

MISCELLANEA

УДК 94

DOI: 10.17223/2312461X/25/6

НЕРОГА И НЕЛОГА: ЕЩЕ РАЗ ОБ ОДНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЗАГАДКЕ В СООБЩЕНИЯХ ЮКАГИРСКИХ АМАНАТОВ XVII в.

Александр Аркадьевич Немировский

Аннотация. В литературе длительное время велась дискуссия о природе сообщений юкагирских аманатов с Яны о серебряной горе при восточной реке Нероге в 1642 г. и сообщений юкагирских аманатов с Индигирки и Колымы о серебряной горе при восточной реке Нелог в 1644 г. (эти показания 1644 г. были ответами на русские расспросы о реке, ставшей известной русским из показаний 1642 г.). Сообщения колымско-индигирских аманатов 1644 г. давно опубликованы, сообщения янских аманатов 1642 г. не публиковались и были известны лишь в отдельных цитатах и кратком пересказе. Исследователи стремились видеть в тех и других сообщениях сведения об одном и том же объекте, реальном или вымышленном. Однако недавно А.А. Бурыкин убедительно показал, что сообщения 1644 г. о Нелог относятся к реке на Чукотке, впадающей в море северо-восточнее Анноя, в Чаунскую губу. Между тем изучение полного текста сообщений 1642 г., по нашему мнению, столь же однозначно показывает, что их Нерога – это река, впадающая в Охотское море (как иногда и предполагалось). Это расхождение мы предлагаем объяснять тем, что аманаты, которых допрашивали в 1644 г., на деле не знали ничего о той Нероге, которую имели в виду янские аманаты в 1642 г., и на допросе о ней рассказали об известной им реке с похожим названием вида Нелога, на деле другой, думая (или делая вид), что это и есть искомая река. Обе реки следует признать реальными, но различными.

Ключевые слова: юкагиры, Нелога, Нерога, онойди, Яна, Индигирка, Чукотка

Состояние вопроса. В 1642 г. в Якутске захваченные Елисеем Бузой в аманаты янские юкагиры (из племен коромоев и яндинцев) подробно рассказывали про некую реку Нерогу, которая впадает в море и на которой есть гора с «серебряными жилами». Эти показания ныне хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 43. Л. 63–64), но, к сожалению, никогда не публиковались, лишь фрагментарно цитировались¹. Между тем русские власти, заинтересованные известиями о серебре, организовали дополнительные расспросы об этой Нероге, и в 1644 г. на Индигирке в ответ на эти расспросы дали показания о некой реке еще три юкагирских аманата из других племен: верхнеколымец Пороча с женой и шоромбой (с Инди-

гирки) Шенкодье. Оба называли реку, о которой рассказывали, Нелогой; эти их сообщения давно опубликованы (ОРМ № 31). Сведения о Нероге – Нелоге вызвали продолжительные дискуссии о том, не вымышлена ли эта река, а если нет, то где ее нужно локализовать (см. обзоры в (Степанов 1959: 182–184; Бурыкин 2013: 215–234)). При этом исследователи, естественно, исходили из того, что сообщения 1642 г. о «Нероге» и 1644 г. о «Нелоге» относятся к одному и тому же объекту, и стремились идентифицировать его, объединяя сведения из данных сообщений. Значительная часть этих дискуссий – та, что касается показаний аманатов на Индигирке в 1644 г., – имеет сейчас главным образом историографический интерес: смысл этих показаний недавно выяснил А.А. Бурыкин, окончательно продемонстрировав, что Нелога, о которой говорили Пороча с женой и Шенкодье, – это река на Чукотке, впадающая в океан в районе Чаунской губы, Наглейнын (и продолжающий ее отрезок Раучуа), а серебряная гора рядом с ней – гора Наглейнын рядом с одноименной рекой (Бурыкин 1998: 79–82; 2013: 217–219)².

Однако значит ли это непременно, что ту же самую реку имели в виду, сообщая о Нероге, янские аманаты в 1642 г.? Поскольку их показания не публиковались полностью, специалисты по умолчанию принимали, что это именно так: ведь Шенкодье и Пороча с женой рассказывали русским о своей «Нелог» именно в ответ на требование сообщить все, что они знают о той реке, о которой ранее говорили в Якутске аманаты янские, т.е. о Нероге. Поэтому русские расспросчики не имели никаких оснований сомневаться, что Нелога, о которой рассказывают им Пороча с женой и Шенкодье, – это действительно та самая река, о которой как о Нероге сообщали янские юкагиры. Тем более, казалось, не было причин сомневаться в этом тождестве позднейшим исследователям. В результате установленное А.А. Бурыкиным по показаниям аманатов на Индигирке чукотское приурочение их Нелог автоматически распространили в литературе на Нерогу янских аманатов и их сведения о ней, не видя причин различать эти реки (например, у самого А.А. Бурыкина и в (Артемьев 2004: 37)).

Однако при полном прочтении сообщений янских юкагиров становится ясно, что это не так, и что в действительности Нелога Порочи и Шенкодье – отнюдь не та река Нерога, о которой рассказывали янские аманаты.

Приохотская Нерога янских юкагиров. Нерога описывается янскими юкагирами так: течет она прямо в море, причем с того же самого горного массива, с которого текут (непонятно, в какую сторону – в ту же самую, что Нерога, или в другую) реки Индигирка и Яна. На верховьях этой Нероги систематически ездят верхнеянские юкагиры-онойди и ламутки³, живущие в районе истоков Яны и Индигирки, а обитают на этой Нероге люди рода, называющегося «натты»⁴. Эти описания, с од-

ной стороны, не дают никакой почвы для подозрений в том, что они вымышленны (для этого в них слишком много непротиворечивых конкретных деталей, имеющих вполне правдоподобный реалистический характер и не несущих никакой нагрузки, подходящей как мотив для вымысла), а с другой – не оставляют сомнений в том, что данная Нерога – река, вытекающая из того же горного района, что Яна и Индигирка⁵, но в другую сторону – в Охотское море⁶, а «натты», что на ней живут, – прибрежные приохотские жители⁷. В той мере, в какой показания янских аманатов становились известны ранее, это из них и выводили некоторые исследователи. Так, уже памяти Дмитрию Зыряну (ДАИ II: 98), кратко излагающей содержание этих показаний, хватило В.И. Огородникову, чтобы идентифицировать Нерогу и жителей ее долины именно так, как сказано выше – как реку, впадающую в Охотское море с севера, при которой живут пешие тунгусы (Огородников 1922: 38; ср.: Золотарев 1938: 70).

Подчеркнем еще одно обстоятельство: о Нероге янские аманаты, согласно документу, рассказали в ходе ответа на вопрос «про Шилку реку, и про иные новые реки, в которой серебро родитца, и где та река [= Шилка], и далеко ль от Янги реки, и скуда к ней ход, и как на ней люди живут» (см. прим. 4). Коль скоро о Нероге сообщают в ходе ответа на распрос о приамурской Шилке (о которой люди на Яне, конечно, едва ли знали, но при распросе их по крайней мере сориентировали бы, в каком общем направлении от Яны и Якутска лежит эта Шилка, о которой их спрашивают), то априори вероятнее искать эту Нерогу в бассейне Тихого океана / Охотского моря, а не Северного Ледовитого океана.

Против указанной приохотской локализации Нероги высказывался аргумент, что реки с названием «Нерога», которая впадала бы в Охотское море (как, кстати, и в Ледовитый океан), мы не знаем, поэтому некоторые специалисты даже отодвигали соответствие янским сообщениям о Нероге еще дальше и приурочивали их к Амуру – полностью (Степанов 1950: 180; Долгих 1960: 389, прим. 119; Полевой 1997: 73, 140) или частично (Степанов 1959: 184)⁸. Однако Амур такого названия не носил и совершенно не подходит под описания Нероги янскими юкагирами, в частности, именно в силу своей отдаленности от бассейнов Яны и Индигирки. Отсутствие же какой-либо известной нам «Нероги» в Приохотье не может служить действительным аргументом против помещения нашей Нероги в этом регионе, так как его древняя гидронимия вообще уцелела очень фрагментарно, а Нерега, Нерога по-тунгусски может значить и «заревая река», и «хариусная река» (эвенск. *нерега* «заря», *нөригэ* «хариус»; Бурыкин 2013: 219), и как раз в бассейне верхней Колымы есть ее приток Нерега, а к югу от Колымы в Охотское море впадает Нявленга (последнее название могло дать и «Нерогу», и «Нелогу»). В существовании рек с названием вида «Нерога» в Приохотье, таким образом, не было бы ничего неожиданного.

Чукотская Нелога вместо приохотской Нероги в показаниях 1644 г. Итак, остается признать, что в 1642 г. янские юкагиры говорили о приохотской (в действительности) реке Нероге. Как же примирить это с тем надежно продемонстрированным А.А. Бурыкиным обстоятельством, что Пороча с женой и Шенкодье два года спустя, отвечая на расспросы о Нероге, рассказали о чукотской реке, впадающей в Ледовитый океан? По нашему мнению, единственное объяснение тут таково: Пороча с женой и Шенкодье создали недоразумение (намеренно или впад в него сами), рассказав в ответ на запрос о Нероге янских аманатов совсем об иной реке с похожим названием. Очевидно, на деле они просто ничего не знали о той Нероге, о которой ранее говорили в Якутске янские аманаты. Когда их стали допрашивать о ней, они рассказали об известной им реке со сходным именем – в действительности другой. Разумеется, нельзя судить о том, понимали ли они сами, что говорят не о той реке, о которой их спрашивают, – здесь возможны оба варианта. Они могли сознательно вводить русских допросчиков в заблуждение, поскольку об искомой Нероге ничего не знали, а заявлять о своем незнании не хотели (ведь этим они могли бы навлечь на себя подозрение в заpiresательстве и утайке сведений о серебре, что вызвало бы нежелательные для них последствия, включая пытку⁹) и потому предпочли рассказать русским про реку с похожим названием, о которой что-то слышали. Но, конечно, они могли и сами искренне думать, что их Нелога – та самая река, о которой их спрашивают, в силу сходства названий и других схождений между тем, что им говорили об искомой Нероге, и тем, что они знали о своей Нелогe: ведь янские юкагиры не объяснили, да и не могли бы объяснить, в какое именно море впадает их Нерога, столь определенно, чтобы русские или другие юкагиры могли осознать, что это именно Охотское море и чукотские реки тут не подходят (янские юкагиры и сами не могли располагать достаточными географическими сведениями, чтобы иметь представление о таких вещах).

Той рекой, о которой знали и рассказали аманаты на Индигирке, была чукотская Наглейнын; звука [р] в ее названии не было, и оно закономерно стало в русской передаче «Нелогой» (этой разнице – Нерога / Нелога – никто значения не придал). Русские допросчики не поняли, да и не могли понять, что допрашиваемые говорят не о той реке, о которой рассказывали ранее янские аманаты: для такого понимания у русской стороны тоже не было достаточных сведений о Северо-Востоке Азии.

Действительно, при сличении полных показаний янских юкагиров с сообщениями Шенкодье и Порочи с женой можно обнаружить расхождения, подтверждающие, что речь идет в действительности о разных реках. Хотя в инструкции Дмитрию Зыряну (ДАИ II: 98), на основании которой допрашивали в 1644 г. названных троих аманатов, была кратко

изложена суть прежних сообщений янских юкагиров и, в частности, подчеркивалось, что истоки искомой Нероги близки к горному региону истоков Яны и Индигирки, Шенкодье и Пороча с женой в своем ответном рассказе о Нелоге ни Яны, ни Индигирки даже не упоминают, а связывают Нелогу с совершенно иными реками – Колымой и «Чюндонной»-Анюем, заявляя, что исток Нелоги близок к истоку последнего.

Согласно янским юкагирам при их Нероге живет племя «натты», и это должны быть тунгусы, так как янские юкагиры специально указывают: язык этих наттов похож на ламутский, но не ламутский («а язык де у них и свой, и с ламутками де сходитца», см. прим. 4). Тунгусам нечего, конечно, было бы делать на Чукотке, где течет Нелога Порочи и Шенкодье, но последние, рассказывая о Нелоге, и не говорят ничего о языке обитающего при ней народа, кроме того, что он не юкагирский. Между сообщениями янских юкагиров о жителях Нероги и сообщениями 1644 г. о жителях Нелоги обнаруживаются и прямые расхождения. Согласно янским аманатам бассейн Нероги заселен «наттами» вплоть до моря (где эти «натты» «зверей колют» «на устье Нероги реки на море»); юкагиры-онойды и ламутки, живущие на верховьях Яны и Индигирки, наезжают на Нерогу, к ее верховьям, причем постоянно и дружелюбно (см. прим. 4). В рассказах же Порочи и других на их Нелогe живет народ, который, с их слов, называется в документе то наттами, то нанками и контактирующие соседи у них совершенно другие – это некие верхнеанюйские (живущие «в вершине Чюндоны») противопоставленные юкагирам «писанные рожи» (т.е. люди с татуированными лицами) под названием «акнемила», с которыми натты / нанки то торгуют, то воюют (ОРМ № 31). Отличие от картины, рисуемой янскими аманатами, здесь явное. Это подтверждает тот тезис, что янские аманаты и Пороча имели в виду на самом деле разные реки, и наводит на мысль, что Пороча говорил, собственно, о народе нанки, а «наттами» их назвал добавочно сам Пороча или толмач только потому, что распрос велся – на основании показаний янских юкагиров – именно о Нероге с наттами¹⁰.

Что касается «писаных рож», то если бы информация о них относилась к Приохотью, в них надо было бы видеть приохотских тунгусов – эвенков, среди которых татуировка лиц была распространена. Но о «писаных рожах» – акнемила рассказывает только Пороча (янские аманаты их не упоминают), говоря о них как о населении «Чюндоны», т.е. верхнего Анюя. В таком случае в них остается видеть группу чукчей, для которых отмечалась мужская татуировка лица (Бурыкин 2013: 218)¹¹.

Название «акнемила» А.А. Бурыкин убедительно сопоставляет с чукотским термином *нымыльа* «оседлые», как, по независимым данным, именовались северо-западные чукчи еще в XIX в. (2013: 218). Название «нанки» явно перекликается с *ан'к'а*- – начальной частью чукото-

корякских терминов со значением «приморские, береговые [оседлые] жители» (например, чукотск. *ан'к'алын* ед.ч., *ан'к'альыт* мн. ч.; *ан'к'анымыльыт*) (Бурыкин 2013: 218); об этих нанках и говорится как об охотниках на морского зверя¹².

Стрельба по серебряным «соплям». Расхождения между рассказом янских юкагиров и рассказом Порочи возникают даже в том, что касается серебра – главной темы для их допросчиков. Янские аманаты заявили: «...а серебро де идет из горы ис каменные, а та де гора над Нерогою... А промышляют де оне серебро, ездят в лотках по две вместе и по тому де серебру стреляют из лука стрелами, и то серебро валяется в лотки таланным [=удачливым, при удаче], а не таланным [=неудачливым] де не валяется. А за два де оленя дают оне серебра одващо [=едва] мощно человеку снести. А в огонь де оне то серебро кладут же, а в том де они серебре делают круги де серебряные, и по вороту де у собя кругом обвешиваются. И мисы де большие ис того серебра у них есть» (РГАДА. Оп. 1. № 43. Л. 63).

Это сообщение явно относится к настоящему серебру: его плавят, из него делают украшения и миски. Вопросы вызывает лишь заявление, что серебро (очевидно, самородки, виднеющиеся из породы на склоне) выбивают из породы стрелами и это получается только при удаче¹³.

Пороча сообщил почти то же самое, но с дополнительными и уже совершенно фантастическими деталями: «...те нелоские мужики сказывают, что серебро у них на Нелогее реке от моря недалеко в яру, а весит де из яру соплями. И те нелоские мужики от той серебряные руды сопли отстреливают томарами [охотничьи стрелы с тупыми наконечниками] и стрелами, а инако де оне нелоские мужики ис Камени серебра добывать не умеют» (ОРМ № 31). Тут нельзя думать даже о самородках, которые выбивают из более мягкой породы стрелами – у Порочи из обрыва свисает «соплями» сама серебряная руда, и от этого свисающего массива, оплывающего «соплями», отшибают выстрелами отдельные «сопли».

Эта картина уже совершенно нереальная. А.А. Бурыкин, анализируя рассказ Порочи, выдвинул привлекательное объяснение, согласно которому сообщение о серебре, висащем «соплями» и отстреливаемом из луков, – плод недоразумения: вероятно, допрашиваемый неверно понял слова, которые употребляли допросчики, говорившие через толмачей. А.А. Бурыкин предположил, что при этом перебирали разные слова для «серебра», но все они были допрашиваемому неизвестны, и тот, не в силах понять, чего от него хотят, под впечатлением от созвучия одного из этих слов (якут. «комус») с чукотским словом «кымыт» («навес»), а другого (рус. «серебро») – с юкагирским словом «чирэмэ» («птица») стал в отчаянии рассказывать о лучной охоте с лодок на птиц, гнездящихся в обрыве («навесе») над рекой, допросчики же не поняли ошибки (2013: 226 сл.).

При всем остроумии этого объяснения в полном виде оно приниматься, по нашему мнению, не может: ведь о стрельбе по серебру говорил не только Пороча в 1644 г., но и янские аманаты в 1642 г. Считать, что в обоих случаях дело было в предполагаемом А.А. Бурькиным недоразумении, затруднительно: как могло это недоразумение повториться два раза с двумя допросами, которые разные люди в разное время чинили разным аманатам? К тому же, добываясь сведений о такой важной вещи, как серебро, допросчики при первом же намеке на то, что допрашиваемые не понимают, чего от них хотят, не просто перебирали бы слова, а показали бы допрашиваемым образцы предметов из серебра, которое само по себе было юкагирам хорошо знакомо¹⁴. Наконец, янские аманаты сообщали о серебре людей с Нероги, что те его плавят и делают из него украшения и миски – стало быть, янские аманаты прекрасно понимали, о чем их спрашивают, говорили именно о серебре и недоразумения с птицами и гнездами в их показаниях не было: из птичьих гнезд и яиц не делают украшений и сосудов, их не плавят.

Предложим другое объяснение, учитывающее, в то же время, сообщения А.А. Бурькина. Подчеркнем, что фантастическое серебро, свисающее «соплями», появляется лишь в показаниях Порочи: только у него серебро не просто выходит заметными снизу жилами или самородками, а прямо висит из горы над рекой «соплями» и именно эти «сопли» отстреливают из луков. Янские аманаты такого не упоминали. Создается впечатление, что Пороча просто развивает сюжет, ставший ему известным из пересказа показаний янских юкагиров и оставшийся не вполне понятным ему самому, отчего в его словах и возникли дополнительные фантастические детали.

Далее, на Индигирке показания о Нелоге и ее серебре давали не по одному разу три аманата: Пороча, его жена и Шенкодье, но изложенную картину со стрельбой по «соплям» из них нарисовал только Пороча и только на одном допросе. Остальные аманаты, как и сам Пороча на других допросах, сообщали лишь, что серебра «у тех нелогских людей много», потому что при Нелоге «блиско к морю в горе в утесе руда серебряная», но ни о какой стрельбе по «соплям» серебра не говорили и вообще не описывали способ его добычи.

По совокупности сказанного можно думать, что если у допрашиваемых на Индигирке юкагирских аманатов вообще были какие-то собственные сведения о серебре на их Нелоге, то они не касались стрельбы по серебру; о ней Пороча заговорил только потому, что соответствующий русский допросчик пересказал ему при допросе соответствующую часть показаний янских юкагиров о Нероге и Пороча подхватил этот сюжет и развил его в собственных показаниях, чтобы ответить ожиданиям и настояниям допрашивающего; а поскольку в действительности Пороча ничего не слышал о подобной стрельбе по серебру примени-

тельно к своей Нелогге, то развитие сообщений янских юкагиров приобрело у него те самые добавочно-фантастические подробности. Когда же русские допросчики не выспрашивали показаний о такой стрельбе, остальные аманаты и сам Пороча их и не давали, поскольку собственной информации такого рода не имели.

Именно при данных обстоятельствах с Порочей могло произойти недоразумение, предположенное А.А. Бурыкиным, – слыша, что его настойчиво спрашивают о какой-то стрельбе из луков по торчащему из горы веществу, он соотнес эту картину (возможно, под влиянием отмеченных А.А. Бурыкиным созвучий) с охотой на гнездящихся в обрывах птиц (у янских юкагиров, напомним, подобных недоразумений не было: они говорили о серебре, полностью понимая, о чем их спрашивают).

Итак, сюжет с «подкапыванием» самородков лучной стрельбой, независимо от его правдоподобия, принадлежит янским юкагирам и связан именно с Нерогой; индигирско-колымские юкагиры о своей Нелогге такого не слыхали, и когда один из них попытался подстроить свои показания об известной ему Нелогге под этот сюжет, не очень понятный ему самому, у него получились лишь еще более фантастические прибавления к указанному сюжету.

Заключительные замечания. Дополнительным фактором, подталкивающим аманатов на Индигирке в 1644 г. к изложению известий о чукотской Нелогге в ответ на расспросы о приохотской (на деле) Нерогге, могло быть следующее. В еще одной памяти 1642 г. Дмитрию Зыряну, выданной при отправке его на Яну (РГАДА. Оп. 3. Д. 319), также упоминалась Нерога и говорилось, что где-то недалеко от нее есть р. Каленьба или Каленьва (РМЛТО: 46, прим. 2; Белов 1973: 79). Это название М.И. Белов понял как чукотское «Коленьваам», «Пестрых утесов река», а А.А. Бурыкин соотнес с «р. Каленмываам, верховьем реки Паляваам, впадающей в Чаунскую губу. Такое же название – Каленмыт имеют речки-притоки реки Гиркувеем в бассейне той же реки Паляваам» (2013: 217). Таким образом, в этой памяти Нерога уже помещена в контекст чукотских на деле реалий. Между тем показания янских юкагиров о Нерогге ничего не говорят о Каленьбе(ве) и не дают никаких оснований связывать с Нерогой какие-либо чукотские объекты. Как видно, по звеньям межюкагирских и русско-юкагирских цепочек обмена информацией какие-то глухие известия о чукотской Нелогге достигли русских достаточно рано для того, чтобы их уже в 1642 г. начали в Якутске контаминировать с известиями янских юкагиров о Нерогге и потому включили в указанную память Зыряну упоминание чукотской де-факто реки Каленьва как находящейся недалеко от искомой Нероги. Если эта контаминация каким-то образом уже достигла аманатов, дававших показания в 1644 г. на Индигирке, то тем больше было у них оснований искренне считать, что Нерога, о которой их спрашивают, и

есть известная им река на Чукотке. Если же русские допросчики еще называли им, следуя той же информации, что значилась в обсуждаемой памяти Зыряну, Каленьву как ориентир для идентификации разыскиваемой ими Нероги, то у допрашиваемых просто не могло остаться ни сомнений в тождестве этой реки с известной им чукотской Нелогой, ни иного выбора, как рассказать о последней, поскольку ориентир «Каленьва» однозначно вел бы их именно к чукотской Нелоге в районе Чаунской губы.

Подведем итоги. По совокупности изложенного мы предлагаем такую реконструкцию событий, связанных с появлением Нероги / Нелогии в наших источниках:

- от Приохотья через ламутков и дружественных им юкагиров-онойди до нижнеянских юкагиров докатились сведения о приохотском серебре, отлившиеся в форму представления о серебряной горе при (приохотской) реке Нероге; речь при этом шла о реальной приохотской реке с подобным именем;

- аманаты, взятые русскими от нижнеянских юкагиров, пересказали им это представление (и желая, видимо, отвлечь их от своих племен и направить внимание русских в сторону онойди и ламутков, подчеркнули, что до Нероги и ее серебра не так уж долго добираться через земли онойди и ламутков, а те вдобавок хорошо знают дорогу);

- Якутск развернул дальнейший сбор информации об этой Нероге и уже в 1642 г. (в одной из памятей Зыряну) соединял сообщения янских аманатов о ней с какими-то слухами о реках, в действительности находившихся на Чукотке. В ходе этого сбора в 1644 г. на Индигирке были допрошены Шенкодье, Пороча и его жена, но они ничего о приохотской Нероге не знали (хотя, возможно, слышали легенду о серебряной горе на востоке), зато приблизительно понимали, что именно от них хотят услышать, и по созвучию гидронимов дали сведения о совсем иной в действительности реке, чукотской Нелоге, а Пороча еще и выдумал «сопли» серебра, торчащие из горы, подумав (возможно, по созвучию юкагирского *чирэмэ* и русского *серебро*, как предполагает А.А. Буркин), что пришельцы мыслят себе то, о чем спрашивают, в виде птичьих гнезд, лепящихся под обрывами.

Тем самым перед исследователями встает задача заново приурочивать содержание сообщений янских юкагиров о Нероге к Приохотью, не привлекая сведений, изложенных Порочей, его женой и Шенкодье в 1644 г., и относящихся в действительности к Нелоге / Наглейнын-ваам на Чукотке.

Примечания

1. Краткое содержание этих показаний приводилось в давно известной наказной памяти Дмитрию Зыряну 1642 г. ((ДАИ II: 98, уточнения чтения и хранения в (Степанов 1950: 180)).

2. Ключевое значение здесь имеет следующее сообщение Порочи: «Есть де река Нелога за Ковымою рекою, впала в море своим устьем, а от той де реки Нелоги от вершины пошла река Чюндона, а впала де та река Чюндона блиско моря в Ковыму реку, вверх идучи по Ковыме реке с левые стороны» (ОРМ № 31). Как однозначно следует из этого описания, притоком Колымы Чюндоной Пороча называет Анюй (Белов 1973: 55; Бурыкин 2013: 217 сл.) – именно он впадает в Колыму недалеко от моря «слева», если смотреть «снизу вверх идучи», т.е. при ориентации от устья Колымы вверх по ее течению. Таким образом, «Нелога», по Пороче, вытекает из той же местности, что Анюй-«Чюндона», впадает в море и лежит «за Колымой» на восток, что по совокупности требует считать Нелогу чукотской рекой.

3. Одно из эвенских племен, обитавшее у истоков Яны (Долгих 1960: 506 сл., 546, карта).

4. «150 (-го году) июля в 25 день... допрашиваны юкагирские князцы Быгалга шаман, да Емгутта, да Далгутта, про Шилку реку, и про иные новые реки, в которой серебро родитца, и где та река, и далеко ль от Янги реки, и скуда к ней ход, и как на ней люди живут, и много ль на ней людей, и князцы у них есть ли, и буде князцы есть, и как зовут, и скотны те люди, или оленные, или сидячи, или кочевные, и своим ли устьем в море пала, и лесна ли, и рыба ли та река, и чем они сь ней живут. И шаман Быгалга, да Емгутта, да Далгутта в допросе сказали: есть-де де река, имя ей Нерога, поменши Лены реки, своим устьем в море пала, рыба и лесна, а рыбы де на ней много и на той де реке серебро есть, а вершина де блиско от янские вершины, и от той де Нероги блиско, куда служивые люди ходят на Янгу, и от Янские де вершины блиско, кочевного де ходу недели на четыре на Нерогу реку сь Янские де вершины, а наскоре де ийти всего ходу недели на две, а ход де подле камень от Янские де вершины, а от Янские де вершины на камению живут юкагирской князец Алганий з братом меншим, а брата де его меньшего зовут Алдакай – оленные люди. И те де юкагирские князцы Алганий з братом сходятца вместо с ламутками и промеж собою с ламутками емлютца, и ламутки де на ту реку Нерогу ходят всегда.

И на той де реке живут люди сидючие <...> да на устье де Нероги реки на море промышляют, зверей колют спинами <...> а серебро де идет из горы ис каменные, а та де гора над Нерогою, а от устья де морского з днища пешево ходу, а те люди живут повыше той горы на яру над рекою ж за пол-днища от тоей горы, в одном месте, в земляных юртах. <...> А язык де у них и свой, и с ламутками де сходитца. <...> А владеют де ими два брата, а в роде их зове натты.

<...> Да июля ж в 28 день роспрашиван порознь и иным толмачем юкагирской князец Югамты про ту Нерогу реку <...>. И он, Югамты, сказал в допросе: <...> ходу де кочевново до той реки Нероги с Янской вершины месяц, а наскоре де ехать на оленях без кочевья две недели до той реки Нероги, а с Ындигерскою де вершиною и Нероги реки вершина сошлась блиско. <...> Того ж числа Долъгокта, юкагирский князец, в допросе сказал <...> ходу де аргишново с Янские вершины до Инороги реки вершины недели четыре, а наскоре де ино де недели и в две дойдет. <...> А видают де тех людей, кои на Инароге реке живут, ламутки да и онойди, что на камению живут на Янском хребте. А онойди де оленные люди, а юкагирской язык» (РГАДА. Оп. 1. № 43. Л. 63–64. Выражаем благодарность П.И. Прудовскому за помощь в уточнении ряда чтений).

5. Отметим: в том, что под Яной и Индигиркой в данном документе подразумеваются те самые реки, что известны под этими названиями в других русских документах 1630–1640-х гг. и далее (т.е. Яна и Индигирка географической номенклатуры XVII–XXI вв.), а не некие иные реки со сходными названиями, сомневаться, на наш взгляд, не приходится. Допросчики были всемерно заинтересованы в том, чтобы как можно точнее выяснить, как добраться до источников серебра, и по простому созвучию каких-то слов допрашиваемых с названиями уже известных им Яны и Индигирки не стали бы сразу вносить их в документ, а сначала удостоверились бы, что речь идет именно об этих уже известных русским реках. Представляется невероятным, чтобы русские, по-

дробно выпрашивая у юкагирских аманатов с самой же Яны, далеко ли от этой известной русским реки и известной русским Индигирки до Нероги, не смогли донести до допрашиваемых, что их интересуют те самые Яна и Индигирка, которые под этими именами знают они, русские, и на которых стоят русские зимовья. Маловероятно и то, что допрашиваемые их не поняли бы и отвечали бы про связь Нероги не с хорошо им известными Яной и Индигиркой, а с некими другими реками созвучных названий, а допросчики, в свою очередь, не поняли этого и писали в документе об обычных Яне и Индигирке русской номенклатуры, не подозревая, что на самом деле им говорят о других реках. Наконец, сообщение янских аманатов о том, что юкагиры-онойди, подчиняющиеся братьям Алганию и Алдакаю и живущие по документу при «вершине Яны», а также союзные им ламутки ездят на Нерогу, полностью удостоверяет, что речь идет о тех самых Яне и Индигирке, которые и тогда, и с тех пор знали под этими именами русские, так как именно в верховьях этих Яны и Индигирки и жили онойди и ламутки (Долгих 1960: 388–391).

6. «Проводить» Нерогу из того же горного региона, где берут начало Яна и Индигирка (т.е. от линии юго-восточная часть Верхоянского хребта – хребет Сунтар-Хаята и Оймяконское нагорье) к Ледовитому океану невозможно: единственной рекой, которая удовлетворяла бы таким критериям, была бы сама Колыма, но подразумевать под Нерогой Колыму янские юкагиры не могли, да и описание земель при течении Нероги несовместимо с тем, что известно о Колыме и ее обитателях того времени.

7. Вероятно, приохотские пешие тунгусы. Поскольку об этих «наттах» говорится, что их язык похож на ламутский (эвенский), но не тождествен ему: «А язык де у них и свой, и с ламутками де сходитца», – остается заключить, что это тунгусы, но не ламуты-эвены, а эвенки (или в крайнем случае носители некоего идиома «промежуточного» облика – арманского диалекта эвенского языка или подобного).

8. В этой работе Н.Н. Степанов считает, что в сообщениях янских юкагиров о Нероге слились сведения об Амуре с названием «Нерога», которое он здесь (вслед Н.С. Орловой и др., (ОРМ: 552, прим. 1)) соотносит уже с Нерогой, притоком верхней Колымы. На деле она не подходит для соотнесения ни с Нерогой, ни с Нелогой уже потому, что не впадает в море.

9. Наказная память Дмитрию Зыряну (ДАИ II: 98) прямо предписывала «про ту реку Нерогу провеживать накрепко у всех иноземцов, всякими мерами, впрям и заводом, из ума вывода и жесточью спрашивать».

10. Поскольку текст показаний янских юкагиров не публиковался, могли возникать предположения, что разночтения Нелога / Нерога и нанки / натты связаны с тем, что одни из этих форм неточны и происходят из более поздних документов, а другие – точны и происходят из ранних (в последний раз в (Бурыкин 2013: 218)). На деле это не так. В расспросных речах янских аманатов (июль 1642 (РГАДА. Оп. 1. № 43. Л. 63–64)) река – Нерога, народ – натты; в наказной памяти Дмитрию Зыряну (август 1642 (ДАИ II: 98)) река – Нерога, народ – натты; в расспросных речах аманатов на Индигирке (1644 (ОРМ № 31 = РГАДА. Оп. 1. № 43. Л. 28–31)) река – Нелога, народ – то нанки, то натты.

11. Хотя в XIX – начале XX в. мужская татуировка лица практиковалась лишь у небольшой части чукчей, живших совместно с эскимосами в их селениях, и у отдельных групп оленных чукчей, живших рядом с такими селениями (Богораз 1991: 188 сл.; Богораз 1939: 50), еще в конце XVIII в., по сообщению К. Мерка, татуировали лица мужчины и оседлых, и оленных чукчей вообще (Этнографические материалы... 122).

12. Термин «натты» А.А. Бурыкин возводит к той же форме, но только потому, что видит в сообщении Порочи о Нелогге рассказ о той же реке, что и Нерога янских аманатов. Как мы видели, это разные реки, и «натты» Приохотья – тунгусы. Для соотнесения с этим названием скорее подошел бы тунгусский приамурский этноним «анатарки» (см. прим. 13), хотя, конечно, «натты» могли использовать как самоназвание форму от какого-либо корякского слова (например, *нымылг'у* «оседлые» или *ан'канымылг'о* «при-

морские» (Бурыкин 2013: 218), правда, от «натты» это все же очень далеко). Конечно, обсуждаемый этноним мог быть образован от самых разных и разноязычных основ, в том числе ближе неизвестных, и не попасть в другие наши источники.

13. Самым простым объяснением было бы то, что это легенда, распускаемая жителями «Нероги» или их соседями, или «испорченный телефон». Однако и настоящее самородное серебро иногда встречается в мелком раздроблении и изредка в россыпях, а в Магаданской области расположены крупные месторождения серебра; некоторые камни на берегах рек также могут производить внешнее впечатление серебра. Наконец, как известно из русского документа, некие «тунгусы ж свой род анатарки сидячие», жившие севернее нижнего Амура и южнее приохотских тунгусов бассейнов Ульи и Охоты, вели активную торговлю с даурами, а те располагали серебром (ОРМ № 33). От дауров через анатарков серебро могло попадать и в Приохотье. По совокупности всего этого северо-западные соседи Приохотья вполне могли бы сформировать представление, что серебро в изобилии есть в краю самих анатарков и смежных районах, в частности на приохотской Нероге. Вероятно, это представление попало через ламутов к онойди, от них – к нижеяньским яндырям и коромоям, а уж те сообщили соответствующие сведения русским в 1642 г. Не исключено, что этноним «тунгусов анатарков» можно соотнести с «наттами», учитывая приохотское размещение тех и других, известное созвучие самих названий и то, что натты тоже тунгусы (как следует из упоминания, что их язык похож на ламутский).

14. Ср. сообщение русского документа за 1640/41 г.: «Да у юкагирских же де, государь, людей серебро есть, а где де они серебро емлют, того он, Посничко, не ведает» (ОРМ № 19).

Литература

- Артёмьев А.Р. Роль якутского воеводства в освоении Приамурья и Забайкалья // Якутия – форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века) / отв. ред. В.Н. Иванов. Якутск: СО РАН, 2004. С. 44–58.
- Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнёва. М.: Мысль, 1973.
- Богораз В.Г. Чукчи. Л.: Главсевморпуть, 1939. Ч. 2.
- Богораз В.Г. Чукчи. М.: Наука, 1991. Ч. 3.
- Бурыкин А.А. Нелога, Погыча, Ковыча – легендарные реки русских документов середины XVII в. и современная карта Чукотки // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 79–88.
- Бурыкин А.А. Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН, 1960.
- ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846–1875. Т. I–XII.
- Золотарев А.М. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века // Историк-марксист. 1938. № 2. С. 63–88.
- Огородников В.И. Из истории покорения Сибири: Покорение Юкагирской земли. Чита, 1922.
- ОРМ – Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: сб. докл. / сост. Н.С. Орлова; ред. А.В. Ефимов. М.: Географгиз, 1951.
- Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 1. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1177.
- РМЛТО – Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: сб. докл. / сост. М.И. Белов. Л., М.: Главсевморпуть, 1952.

Степанов Н.Н. Первые русские сведения об Амуре и гольдах // Советская этнография. 1950. № 1. С. 178–182.

Степанов Н.Н. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1959. Т. 188. С. 179–254.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785–1795. Магадан: Кн. изд-во, 1978.

Статья поступила в редакцию 27 июля 2019 г.

Nemirovskiy Aleksandr A.

NEROGA AND NELOGA: REVISITING THE GEOGRAPHICAL RIDDLE OF THE 17TH CENTURY YUKAGHIR ACCOUNTS

DOI: 10.17223/2312461X/25/6

Abstract. The 1642 accounts of the Yukaghir amanats from Yana regarding a silver mountain at the eastern river Neroga and the 1644 accounts of the Yukaghir amanats from Indigirka and Kolyma mentioning a silver mountain at the eastern river Neloga (the latter were provided in response to Russian inquiries based on the testimonies of 1642) have been repeatedly discussed in the literature. While the accounts of 1644 were published, those of the Yana amanats were not, being known only through certain quotations and brief retellings. In both sets of accounts, researchers sought to see information about the same object, be it real or fictional. However, Alexey A. Burykin has recently convincingly demonstrated that the reports of 1644 about Neloga refer to a river in Chukotka which flows into the sea northeast of Anyuy in the Chaun Bay. Meanwhile, the examination of the accounts of 1642 unequivocally indicates that their Neroga is a river that flows into the Okhotsk Sea (as it has already been suggested). We put forward the following explanation of this discrepancy: the amanats, who were interrogated in 1644, in fact knew nothing about Neroga described by the Yana amanats in 1642, and thus told about the Chukotka river which they knew under a somewhat similar name, thinking (or pretending) that this is the same river they were asked about. Both rivers should thus be recognised as real but different objects.

Keywords: Yukaghirs, Neloga, Neroga, onoidi, Yana, Indigirka, Chukotka

References

- Artem'ev A.R. Rol' iakutskogo voevodstva v osvoenii Priamur'ia i Zabaikal'ia [The role of the Yakut province in the development of the Amur region and Transbaikalia]. In: *Iakutiia - forpost osvoeniia Severo-Vostoka Sibiri, Dal'nego Vostoka i Russkoi Ameriki (XVII-XX veka)* [Yakutia, an outpost for the development of North-East Siberia, the Far East, and Russian America (17th to 20th centuries)]. Ed. by V.N. Ivanov. Yakutsk: SO RAN, 2004, pp. 44–58.
- Belov M.I. *Podvig Semena Dezhneva* [Semyon Dezhnev's feat]. Moscow: Mysl', 1973.
- Bogoraz V.G. *Chukchi. Ch. 2* [The Chukchi. Part 2]. Moscow: Glavsevmorput', 1939.
- Bogoraz V.G. *Chukchi. Ch. 3* [The Chukchi. Part 3]. Moscow: Nauka, 1991.
- Burykin A.A. Neloga, Pogycha, Kovycha – legendarnye reki russkikh dokumentov serediny XVII v. i sovremennaiia karta Chukotki [Neloga, Pohycha, and Kovycha are the legendary rivers in the mid-17th-century Russian documents and on the modern map of Chukotka], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1998, no. 6, pp. 79–88.
- Burykin A.A. *Imena sobstvennye kak istoricheskii istochnik. Po materialam russkikh dokumentov ob otkrytii i osvoenii Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii XVII–XIX vekov* [Proper names as a historical source. Russian documents on the discovery and development of Si-

- beria and the Far East of Russia, 17th to 19th centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013.
- Dolgiĭ B.O. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke [The tribal and clan composition of the peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow: AN, 1960.
- Zolotarev A.M. Novye dannye o tungusakh i lamutakh XVIII veka [New data on the Tungus and Lamut in the 18th century], *Istorik-marksist*, 1938, no. 2, pp. 63–88.
- Ogorodnikov V.I. *Iz istorii pokoreniia Sibiri: Pokorenie Iukagirskoi zemli* [From the history of the conquest of Siberia: The Conquest of the Yukaghir land]. Chita, 1922.
- Polevoj B.P. *Novoe ob otkrytii Kamchatki* [New aspects of the discovery of Kamchatka]. Part I. Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatskij pechatnyĭ dvor, 1997.
- Stepanov N.N. Pervye russkie svedeniia ob Amure i gol'dakh [The first Russian report on the Amur and the Golds], *Sovetskaja etnografija*, 1950, no. 1, pp. 178–182.
- Stepanov N.N. Russkie ekspeditsii na Ohotskom poberezh'e v XVII veke i ikh materialy o tungusskikh plemenakh [Russian expeditions to the Okhotsk coast in the 17th century and materials on the Tungus tribes]. In: *Uch. zap. LGPI im. A.I. Gercena*. T. 188. Leningrad, 1959, pp. 179–254.
- Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoi geograficheskoi ekspeditsii. 1785–1795* [Ethnographic materials of the Northeast geographical expedition. 1785-1795]. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo, 1978.